

ЛУЦЕНКО Н. А.

ВИД И ВРЕМЯ

(Проблемы разграничения и взаимодействия)

До сих пор достаточно отчетливо не сформулированы различия между такими существенными для глагола категориями, как время и вид. Применительно к одним языкам до сих пор еще не решено, признаки какой из названных категорий отображены во всех или некоторых глагольных формах данного языка, применительно к большинству других — где проходит граница между сферами аспектуальности и темпоральности [1, 2]. В настоящей статье высказывается ряд соображений по указанным вопросам, причем эти соображения ориентированы прежде всего на факты русского и некоторых других родственных ему языков.

Актуальность изучения вопроса о соотношении в языке сфер времени и вида определяется прежде всего тем, что в зависимости от конкретных особенностей его истолкования находится характер выдвигаемой концепции вида. В связи с этим авторы некоторых работ не без оснований считают указанный вопрос центральным вопросом аспектологических исследований [3].

Многообразие имеющихся толкований взаимоотношения между видом и временем охватывается перечислением нескольких обобщенных случаев. Применительно к какому-либо языку в литературе обычно:

(1) постулируется избыточность одной из категорий — вида или времени (вид//время);

(2) указывается на трансформируемость признаков вида в признаки времени и наоборот, из чего вытекает (выводится) возможность представлять признаки вида в терминах времени, а временные различия в терминах вида (вид $\rightleftharpoons$ время) [4; отчасти 5, с. 41 и сл.];

(3) считается, что между видом и временем имеет место отношение взаимодополнения (сосуществования и независимости: вид; время) [6; 7, с. 41; 8, с. 75];

(4) отмечается, что между видом и временем существует отношение взаимовлияния (связи и зависимости — /вид: + :время/) [9, с. 60, 68; 10, с. 235; 11, с. 50; 12, с. 129—130; 13, с. 80].

Между указанными точками зрения не наблюдается абсолютных границ ни в теоретическом, ни в историко-лингвистическом смысле¹.

Глагол представляет собой конструктивное ядро, организующий центр предложения [14, с. 84]. Именно в предложении как единице коммуникации формируются критерии и признаки его грамматической оформленности, возникает и стабилизируется потребность в выражении того или

¹ В плане истории разработки проблемы укажем, что М. В. Ломоносов (1757), как известно, видовые отношения растворял во временных. Позднее К. С. Аксаков (1855) и Н. П. Некрасов (1865) выдвинули вызвавшую оживленные отклики идею вневременности русского глагола, подчеркивая главенствующее положение в нем именно видовых признаков. В западноевропейской лингвистике, наоборот, В. Штрайтберг (1891) выступил со столь же неожиданной теорией, в которой попытался обосновать видовой (перфективный) характер некоторых приставочных и бесприставочных глагольных образований в германских языках. Вопреки очевидной необходимости и тому интересу, с каким обычно рассматривалось соотношение вида и времени, принципы разграничения сфер этих категорий не были сформулированы достаточно отчетливо. Пытаясь выйти из тупика, некоторые лингвисты пришли к идее трансформируемости видовых значений во временные и наоборот. Этот подход, однако, сам по себе не снял проблемы разграничения сфер аспектуальности и темпоральности и скорее лишь обострил необходимость поисков непосредственных и опосредованных звеньев их связи.

инного грамматического значения. Вполне оправданно поэтому стремление лингвистов при определении сущности вида и времени исходить из предикативного (коммуникативного) значения этих категорий.

В разрешении этого вопроса, однако, обычно не делается поправок на те сдвиги, которые могли и/или должны были произойти в структуре языка со времени возникновения грамматической категории. В результате таких сдвигов изначальные факторы возникновения категории или видоизменялись, или вовсе исчезали из сознания, становились трудноопределимыми (ср. категорию рода существительных). Очевидно, что теория таких преобразований еще не может считаться достаточно разработанной, однако ее принципы и частично понятийный аппарат уже намечены в работах А. А. Потебни [14], А. И. Стендера-Петерсена [15], В. А. Богородицкого [16], Л. Ельмслева [17] и др. Следует отметить, что в трудах этих и других авторов изложены, — с нашей точки зрения, вполне убедительно — основания такого подхода, представлены конкретные образцы его реализации на материале различных структурных языковых подразделений, в том числе и на материале глагола. Опыт названных выше исследователей убеждает в следующем: осуществляя многоаспектный анализ какой-либо категории, необходимо исходить из нескольких трансформирующихся друг в друга вариантов отношения категории к ее коммуникативно-реальной основе.

Что из этого следует для нас конкретно? Очевидно, то, что точка зрения (1) и близкая к ней (2), предполагающая трансформируемость признаков вида в признаки времени и наоборот, могут быть объяснены функциональным и/или историческим видоизменением факторов, вызвавших к жизни одну из обсуждаемых категорий. Соответственно, точки зрения (3) и (4), поскольку они (за редкими исключениями) выдвигаются обычно применительно к разным языкам, могут представлять различные функциональные и понятийные ступени перехода друг в друга факторов, определяющих коммуникативное назначение данных категорий.

Задача, следовательно, заключается в том, чтобы, во-первых, установить сущность упомянутых факторов, во-вторых, проникнуть в механизм их взаимопереходов, на основании чего в дальнейшем окажется возможным объяснить взаимоотношения между видом и временем.

Все сказанное свидетельствует о том, что теоретически в каком-либо языке первичной может быть любая из обсуждаемых категорий — вид или время [ср. 8, с. 73]. Представляется, однако, что движение в какой-либо языковой области от системы времени к системе вида и, наоборот, движение в другой языковой области от системы вида к системе времени практически не может давать одинаковых результатов. Для индоевропейской семьи языков, вслед за рядом лингвистов, с нашей точки зрения, целесообразно принять тезис о первичности вида по отношению ко времени (И. Нетушил, В. Штрайтберг, Г. Хербиг, Э. Кошмидер, П. С. Кузнецов, Я. Сафаревич и др.). «С научной... точки зрения, — писал, например, И. Нетушил, — категория эта (вида. — Л. Н.) должна быть положена прямо в основание всякого рассуждения о временах того или другого индоевропейского языка, в особенности когда дело касается исторического развития значения и употребления глагольных форм» [18, с. 85; ср. 19, с. 163].

Существенно, однако, что вопреки этому требованию реально дело чаще обстоит иначе: лингвисты стремятся характеризовать не время на основе вида, а, наоборот, вид на основе времени. Речь прежде всего идет о том, что при попытке определить предикативное (предикатно-коммуникативное) значение вида лингвисты, вольно или невольно, осознанно или неосознанно, сводят его к коммуникативному значению категории времени; в большинстве современных исследований понятие времени оказывается едва ли не решающим при определении сущности вида [4, с. 6 и сл.; 12, с. 126, 130]. В аспекте синхронии подобный подход не может не вызывать недоумения и вопросов [20]. Некоторые языковеды после критического обсуждения указанных позиций пришли к выводу, который, безусловно, заслуживает внимания: вид — это категория, выражающая

отношение действия не только ко времени, но и к пространству [11, с. 52]. Отношение к пространству при этом восстанавливается теоретически — на основе методологических предпосылок, а не обнаруживается в самом материале [11, с. 51—53]. Все это дает основания полагать, что в области индоевропейских языков произошло перераспределение отношений между категориями вида и времени в пользу второй категории [ср. 9, с. 68—69, 21, с. 6], вследствие чего употребление каждой из них и определяется теперь тем «субъективным» (Л. Ельмслев) отношением, которое составляет коммуникативную основу категории времени. Отметим интересный и важный факт, так или иначе подтверждающий этот вывод: из двух обсуждаемых нами категорий к категориям, формирующим понятие предикативности, причисляется, как правило, только категория времени. Там же, где вид добавляется ко времени при пояснении сущности предикативного отношения, с ним не связывается никаких особых характеристик, которые бы отличали его в этом плане от времени. «Функцию локализации субъекта во времени, — пишет, например, И. Пете, давая характеристику предикативным отношениям, — выполняют в русском языке категории времени и вида, в пространстве же — категория лица» [22; ср. 12, с. 130, 23, с. 121].

Что, однако, составляет действительную, реально-детерминированную основу вида как категории? И. Нетушил пытался найти эту основу в обозначении пространства, понятия которого, по его мнению, послужили образцом для постепенной выработки временных понятий. «Многочисленные факты индоевропейских языков, — писал И. Нетушил, — доказывают, что... индоевропеец представлял себе время в образе места, то есть переносил свои представления о конкретных обстоятельствах пространства на понятие времени. Так, например, предлоги по большей части служили первоначально наречиями, но потом стали употребляться также и для обозначения времени...» [18, с. 86]. Древние индоевропейцы рассматривали пространство динамически, оценивая его двояко: 1) «как исходную или заключительную точку движения»; 2) «как линию, пройденную каким-либо движением». На этой основе, считал Нетушил, возникло представление о двойном виде действий, что и дало содержание соотносительным элементам вида: понятие совершенного вида, согласно Нетушилу, сводится к представлению о пространственной точке, для несовершенного вида существенным является представление о пространственной линии. Отдавая должное глубине этих рассуждений, отметим, что И. Нетушил, однако, не смог, на наш взгляд, уберечься от влияния на его исследовательскую мысль модели отношений, характеризующих современное индоевропейское языковое состояние. Автора можно упрекнуть и в том, что он не предполагает изменяемости во времени сущности вида. Ближе к нашему времени факт подобной изменяемости, однако, обусловил не только понятийную, но и терминологическую дифференциацию «пространственно-целевого» («объективного», «семантического») и «темпорологического» («субъективного») толкования вида [24, с. 3 и сл.]. «Совершенный и несовершенный виды, — писал И. Нетушил, — употребляются соответственно с тем, желает ли говорящий отметить только исходный или заключительный момент какого-либо действия или же, наоборот, он намеревался обратить внимание на все протяжение времени, в течение которого развивалось это действие» [18, с. 87]. Использование понятия времени тут еще вряд ли уместно, но обратим внимание, как интересно заканчивает И. Нетушил свою мысль: «Таким образом, — отмечает исследователь, — глагольные виды — не что иное, как только выраженные своеобразных представлений примитивного индоевропейца о времени действия, резко отличающихся, конечно, от того, что теперь называем „временем действия“, подразумевая под этим отношение действия к моменту, в который говорящий упоминает об этом действии» (там же). К тому, что здесь как бы мимоходом высказывается важнейшая мысль о трансформационной (исторической) связи между категориями вида и времени, можно добавить следующее. Рациональный смысл приведенных суждений состоит еще, во-первых, в том, что предметно-содержательной основой вида признается

понятие пространства или, точнее, — отношение говорящего к пространству, во-вторых, в том, что речь должна идти именно о динамической (по Балли — феноменистической) оценке пространства. При этом ничто не мешает считать, что видоизменение указанного отношения и составляет действительную (изначальную) основу перехода от вида ко времени, поскольку прежде всего особенностями и характером отношения субъекта и действия (функцией субъекта относительно действия) определяется ракурс грамматической видо-временной интерпретации процесса [25, 26]. Подчеркнем, что предпосылки отмеченного видоизменения обусловлены именно тем, что речь должна идти не о действии как таковом, а только об отношении к действию. В индоевропейских языках видоизменение подобного отношения представлено в виде перехода от точки зрения на действие деятеля (активного субъекта) к точке зрения наблюдателя (пассивного субъекта), т. е. перед нами сдвиг в сторону представления о пассивном (созерцающем) субъекте. Чтобы это понимать не только в общем, но и в частности, необходимо отдавать себе отчет в том, что позиции таких субъектов различаются не только тем, что они используют различные ориентиры (критерии) для измерения интенсивности движения (действия). Позиция деятеля характеризуется напряженным отношением к действию, для него первостепенное значение имеет, как это отражено в некоторых аспектологических концепциях (Л. П. Размусена и др.), момент достигнутой цели. Действие оценивается именно с точки зрения этого момента, с точки же зрения данного момента важно, насколько приближено действие к нему, в какой фазе своего протекания пребывает. Указанный момент — вершина не только развития, но и интенсивности действия. Поэтому чем ближе действие к завершению, тем более интенсивным оно представляется. Так называемые мгновенные глаголы в русском языке (*сверкнуть*, *рвануть*) — это одновременно и «интенсивные» глаголы, поскольку момент достижения цели включен в содержание подобного глагола как фазовая характеристика обозначенного им действия. Развивающееся действие, предшествующее моменту достижения цели, осмысливается как предпосылка его, подготовка к нему, следующее за ним (достижение цели) — пауза, являющаяся предпосылкой нового цикла действия. В известном речении *тянут-потянут* из русской сказки «Репка» *потянут* функционирует как знак паузы, поскольку импульсно-напряженный (снимающий возможность деления на фазы) характер действия здесь выражен другой формой (*тянут*) [27].

В соответствии с тем, что, как отмечено, позиция наблюдателя вторична по отношению к позиции деятеля и, — отсюда — признак прекращенности базируется на признаке законченности (достижения цели, предела), а не наоборот, — совершенно правильными следует считать выводы тех лингвистов, которые отмечают, что относительная временная функция глагольных форм изначально обусловлена видовым признаком законченности [9, с. 69]. Сравнительно позднее образование форм перфекта от имперфективных глаголов [9, с. 63] объясняется тем, что сравнительно поздним для языкового сознания является и признак прекращенности действия, который заместил (но еще не вытеснил) признак законченности, вследствие чего образовалась возможность в перфекте представлять признак «чистой» прекращенности, используя для этого имперфективные глаголы. Однако во взаимосвязи вида и времени время вторично, и конституирующее временное понятие прекращенности мыслится производным от видового понятия законченности, что, например, в русском языке проявляется в употреблении некоторых несовершенных форм — формы прошедшего времени, инфинитива, сослагательного наклонения и др. Функциональную соотношенность таких форм с формами совершенного вида объясняют обычно по-разному: ее сводят к немаркированности несовершенного вида, говорят о присоединении грамматического значения формы (изначально перфективной) к грамматическому значению основы; называют также и внешние причины — социально установившаяся традиция употребления. И. Г. Милославский, в частности, говоря о причинах последней разновидности как о «фактах, относящихся к presupпозиции», и

предлагая учитывать в конкретном анализе такие факторы, отмечает: «Например, в предложении *Кто-нибудь покупал сахар?* налицо перфектное значение глагола (ср. *Есть ли у кого-нибудь сахар?*). Однако это перфективное значение невозможно вывести ни из вида, ни из времени, ни из лексического значения глагола. Это перфектное значение следует из знания того, что практическое участие в „покупании“ такого общедоступного продукта уже гарантирует положительный результат этого действия — приобретение, обладание» [28]. Подчеркнем, что такие факты мы предлагаем объяснять, все-таки исходя из взаимосвязи вида и времени, из того, что в конкретном речевом употреблении [17, с. 122; 15, с. 3—4] позиция деятеля стремится обнаружить себя, в связи с чем конситуативно происходит подмена признака прекращенности признаком законченности. В частности, во фразах типа *Кто строил этот дом? Кто писал эту записку?* характером и формой вопроса актуализируется позиция деятеля; вследствие этого признак прекращенности (время) трансформируется в признак законченности (достигнутости цели) — происходит как бы конситуативная регенерация видого значения².

Специфические морфологические глагольные формы типа *постоял, почитал*, польск. *poszytał* и т. п., наоборот, отражающие мироощущение наблюдателя, по-видимому, по той же причине (на основе процесса подмены признаков) обычно без оговорок относят к совершенному виду. Однако если признаком совершенного вида считать достигнутость предела, цели действия (позиция деятеля), то подобные формы этот признак не выражают [ср. 29]; они указывают только на то, что действие прекращено. В этой связи следует отдать должное языковому чутью тех лингвистов, которые глаголы указанного типа характеризуют как «претеритивные» [30].

Аналогичным типом актуализации — конситуативным сдвигом позиций (наблюдатель → деятель) в русском языке объясняется также сближение по признаку связи с настоящим форм простого и сложного будущего (*Она сейчас оденется! Как долго ты будешь заниматься?* — в обоих случаях действие начато), вопрос о чем до сих пор относился к числу неразрешенных и спорных [31].

Подобным образом могут быть объяснены и другие своеобразные случаи взаимоотношений видо-временных образований (см. ниже).

С точки зрения наблюдателя любое законченное (ненаблюдаемое) действие будет прошедшим. Наблюдатель отчуждает от себя ненаблюдаемое действие, поэтому в маркированных глагольных формах прошедшего (русс. *писал*, укр. *писа́в*, чешск. *psal* и т. п.), как правило, не отражен факт присутствия субъекта речи при осуществлении действия. Отметим, что альтернативой позиций деятеля и наблюдателя («принципа вида» и «принципа времени») объясняются на первый взгляд непонятные совпадения, например, в болгарском языке форм аориста и перфективного презенса (*помогна, повя* и т. п.), употребление тех же аористов для выражения различных семантических вариантов настоящего совершенного в ряде других языков: санскр. *astoshi* «(по)хвалю» (аор.); греч. *ἀπόμωξα* «(по)клянусь» (аор.); кабард. *естуц* «отдаю, отдана мною» (аор.) и т. д. [32].

В числе отношений между функциями глагольных форм, располагающихся в рамках общей проблемы взаимоотношения вида и времени, наиболее сложным и одновременно достаточно показательным с точки зрения рассмотренного выше является отношение *praesens historicum* к другим функциям глагольных форм (настоящего и прошедшего).

Принимая тезис структурной грамматики о том, что настоящее — это темпорально немаркированная форма (+ А, где А — признак прошед-

---

Морфологическим элементом, относительно которого осуществляется это преобразование, является показатель *-л*, имевший первоначально, как следует из наших рассуждений, не временное, а видовое (перфективное) значение. В русском и других славянских языках перфективный характер данного показателя «законсервирован» в образованиях на *-лый*, выражающих, независимо от характера основы, перфективно-статальное значение (*стылый, вялый, зрелый* и т. п.).

шего), легко прийти к заключению, что настоящее историческое — это употребление немаркированной формы в функции А (+А). Обозначение конкретно протекающего действия (актуальное настоящее) — это функция не-А (-А). Однако, как известно, то, что называют настоящим историческим, по крайней мере в русском языке, включает две разновидности: 1) историческое настоящее на месте совершенного претерита; 2) историческое настоящее на месте несовершенного претерита [34].

В отличие от второй разновидности настоящего исторического и функционально эквивалентной ей в данном плане формы прошедшего несовершенного (и ранее — имперфекта [34, с. 179; 11, с. 48—49]), настоящее историческое первой разновидности — это прошедшее деятеля (участника), который не отчуждает действие от себя (иначе — не «овторостепенивает» его [11, с. 48—49]), а представляет только как прекратившееся. Для лица-деятеля (участника ситуации) действие, однако, может прекратиться, только будучи законченным, поэтому настоящее историческое данной разновидности — аналог формы прошедшего совершенного вида. Ср.: *И дева падает* (= упала. — Л. Н.) *на ложе...* (А. Пушкин, Полтава). Настоящее историческое данной разновидности вместе с тем представляет собой и определенный компромисс между деятелем (говорящим) и наблюдателем (слушающим). А. Лескин не был столь уж неправ, как утверждают [35, с. 252], говоря о том, что в немецком предложении *Da blitzt ein Licht auf* «Вот вспыхивает свет» глагол перфективен. Как и в настоящем историческом первой разновидности, в данном случае речь идет об употреблении говорящим формы перфективного вида для слушающего, который не в состоянии представить в восприятии мгновенное действие одновременным акту мысли. Из этого следует, что, употребляя актуальное настоящее совершенного вида, говорящий, наоборот, игнорирует позицию слушающего (наблюдателя) и/или избегает компромисса, или трактует слушающего как деятеля. Ср.: *А ты чего огня-то не зажжешь?* (Н. Лесков, Разбойник); *Что же ты не расскажешь, как твоя служба?* (А. Малышкин, Люди из захолустья).

Настоящее историческое наблюдателя (вторая разновидность) — это всего лишь «оживленное» прошлое, представленное им как протекающее, совершающееся на глазах. Ср. пример с двумя обсуждаемыми разновидностями настоящего исторического, где различие форм-субститутов отчетливо отображает характер различия между обозначением совершенного (связанного с субъектом-деятелем) и обозреваемых (связанных с субъектом-наблюдателем) действий: *И вдруг видит* (= увидел. — Л. Н.) *звеньевой: по жнивью бежит* (= бежал. — Л. Н.) *парень, а чуть дальше полыхает* (= полыхал. — Л. Н.) ДТ-75 (Правда, 1983, 16 окт.). Следует, однако, отметить, что эволютивно имперфективное настоящее историческое деятеля (аналог совершенного вида) вторично по отношению к перфективному настоящему историческому [ср. 36]. Если исходить из смысловой соотносительности этих форм, а также соотносительности актуального и неактуального планов, то необходимо признать, что и в актуальном плане форма презенса изначально представляла, очевидно, интенсивно-недискретное действие, с точки зрения вида однозначно не характеризуемое (ср. *тянут* в *тянут-потянут*, а также общие суждения Н. Ван-Вейка [35, с. 241]). Как свидетельство изначальной немаркированности форм презенса относительно признака перфективности могут толковаться примеры типа — *Вы скоро едете (поедете)? — Завтра еду (поеду)*: здесь под влиянием условий контекста в форме со значимостью $\pm A$ (где А — перфективность), по-видимому, актуализируется элемент (+А), благодаря чему формальное выражение перфективности становится излишним.

Как вытекает из сказанного, постановка вопроса о том, что выражают в языке те или иные формы — вид или время, вполне правомерна, как и правомерен вопрос о том, где проходит и чем определяется граница между аспектуальностью и темпоральностью. В системе глагола индоевропейских языков «принцип вида» [35, с. 238] (позиция деятеля) постепенно был вытеснен «принципом времени» (позиция наблюдателя). Нам уже

приходилось писать о вторичности категории времени по отношению к категории вида, о тех аспектных (проспекция — ретроспекция) сдвигах в системе, к которым приводило вхождение в парадигму признака времени. Благодаря формированию категории времени система изменяет доминантную — проспективную — свою ориентацию (соответствующую позиции деятеля) и приобретает новую (соответствующую позиции наблюдателя), определившую собой сложную семантическую природу (вследствие усложнения аспектной основы системы) глагольных форм [37].

Исчезновение из системы русского глагола простых глагольных времен произошло, очевидно, вследствие того, что в системе уже были формы, отражающие интерпретацию действия наблюдателем (перфект), и острой необходимости в соответствующем переосмыслении аориста (хотя период его смешения с имперфектом все же имел место; ср. такие формы, как ст.-слав. *послаше, приведоху, взяху*, лужицк. *rišo, rožedašo* и др. [38; 7, с. 51]) не было; вместе же с аористом исчезал и его морфологический коррелят — имперфект. Необходимо отметить, однако, что в русском языке исчезновению аориста и имперфекта предшествовал ряд не менее интересных процессов. Как известно, материал памятников вначале дает примеры употребления форм аориста и имперфекта от основ как перфективных, так и имперфективных глаголов (*приходиша, идоша, вложашу, растреляху* и т. п.). В дальнейшем развитие происходит таким образом, что формы аориста начинают образовываться от перфективных основ, а формы имперфекта — от имперфективных основ. Этот и другие факты, в том числе упомянутые выше, на наш взгляд, свидетельствуют о двух тенденциях: 1) об установлении определенного равновесия между «принципом вида» и «принципом времени», выступавшими на начальном этапе их взаимодействия как «принцип аориста» (вид, динамика) и «принцип имперфекта» (время, статика); 2) о постепенном формировании обусловленности видовых значений временными (переходе к «принципу времени», шире — смысловой трансформации системы), благодаря чему лингвисты в настоящее время говорят о временном распределении видов [13, с. 85]. Эти две тенденции получили неодинаковое проявление в различных славянских (и не только славянских) языках, поэтому следует считаться с тем, с каким языковым материалом «работает» лингвист, выдвигая тот или иной тезис о соотношении в языке времен и видов. В частности, утверждение Б. Гавранка о том, что в старославянском языке различие между аористом и имперфектом не имеет ничего общего со значениями глагольных видов [34, с. 177], а также подобные утверждения современных болгаристов, безусловно, ориентированы на факты, связанные с реализацией первой тенденции, из чего, естественно, никоим образом не может выводиться общий принцип независимости категорий вида и времени [см. 8, с. 72—73]. К тому же этот или ему подобный другой принцип должны быть тщательно проверены на всех формах исследуемого языка. Опыт же показывает, что на этом пути как раз труднее всего добиться единства оценок и взглядов³.

Разумеется, мы коснулись только части вопросов и фактов, формирующих предметную область проблемы взаимоотношения вида и времени [ср. 39]. Разрешение этой проблемы, теоретически не только важной, но и весьма сложной, требует поисков новых методических путей, методологической осторожности и строгости. Только в этом случае удастся найти необходимые объяснения и успешно пройти сквозь лабиринт имеющихся противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии.— В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978, с. 5.
2. Никитевич В. М. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963, с. 149.
3. Dombrowsky J. Über den Ursprung und die Herausbildung des Aspekt-Tempussystem des slavischen Verbums.— Slavica, 1967, VII, S. 42.

³ В русистике такими спорными формами являются, например, причастия и деепричастия, в болгаристике — аорист и имперфект, в славистике — грфект и т. п.

4. *Harweg R.* Aspekte als Zeitstufen und Zeitstufen als Aspekte.— *Linguistics*, 1976, 181.]
5. *Мигирин В. Н.* Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.
6. *Бункина И. К.* История глагольных времен в болгарском языке. Времена индикатива. М., 1970, с. 12.
7. *Ермакова М. И.* Значение форм прошедшего времени в нижнелужицком языке (по памятникам XVI—XVIII вв.).— В кн.: Краткие сообщения Ин-та славяноведения, 1961, № 30.
8. *Дешериева Т. И.* К проблеме соотношения глагольных категорий вида и времени.— ВЯ, 1976, № 4.
9. *Рябова Г. М.* Соотношение категорий вида и времени в процессе их развития в немецком языке (на материале прошедших времен глагола).— Уч. зап. 1-го ЛГПИИЯ, 1955, новая серия, вып. II.
10. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
11. *Ковачев Ст.* К вопросу о категориях времени и вида.— Болгарская русистика, 1977, № 3.
12. *Мартынов В. В.* Категории языка. М., 1982.
13. *Домов А. М.* Время и вид русского глагола: особенности взаимодействия.— В кн.: Русский язык в науке и учебной практике. Воронеж, 1981.
14. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М., 1958.
15. *Стендер-Петерсен А. И.* О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском.— In: Acta et commentationes universitatis Tartuensis (Dorpatensis). V. Humaniora, XVIII. Tartu, 1930.
16. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М.— Л., 1935.
17. *Ельмслев Л.* О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
18. *Нетушил И. В.* Об основных значениях греческих времен.— ЖМНП, 1891, июнь.
19. *Herbig G.* Aktionsart und Zeitstufe.— IF, 1896, Bd. VI.
20. *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983, с. 79.
21. *Milewski T.* O genezie aspektów słowiańskich.— Rocznik slavistyczny, 1939, XV.
22. *Пете И.* Типы синтаксической модальности в русском языке.— *Studia slavica*, 1970, t. XVI, fasc. 3—4, s. 222.
23. *Kothaj I.* K otázke triedenia gramatických kategorii slovesa. Studie z porovnavej gramatiky a lexicologie. Bratislava, 1974.
24. *Koschmieder E.* Aspekt und Zeit.— *Opera Slavica*. IV. Slavistische Studien zum V. Internationalen Slavistenkongress in Sofia. Göttingen, 1963.
25. *Золотова Г. А.* К понятию предикативности.— В кн.: Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, с. 150—151.
26. *Луценко Н. А.* О перфектной функции глагольных форм настоящего (на материале причастий современного русского языка).— ФН, 1983, № 5, с. 74.
27. *Филатова-Хелльберг Е.* Дедка за репку (структура одной русской сказки).— In: *Studia Slavica Gunnaro Jakobsson sexagenario a discipulus oblata*. Göteborg, 1980, s. 33.
28. *Милославский И. Г.* О соотношении номинативных и синтаксических свойств языкового знака.— ИАН СЛЯ, 1975, № 4, с. 361.
29. *Koschmieder E.* Zeitbezug und Sprache. Ein Beitrag zur Aspekt- und Tempusfrage. Leipzig—Berlin, 1929, S. 31.
30. *Koschmieder E.* Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarzysie. Proba syntezy. Wilno, 1934, s. 168.
31. *Шелякин М. А.* О спорных вопросах видо-временной системы современного русского глагола.— Уч. зап. Тартуского ун-та, 1980, вып. 524, с. 4.
32. *Debrunner A.* Sprachwissenschaft und Klassische Philologie.— IF, 1930, Bd. 48, Hf. 1, S. 11—12.
33. *Авдеев Ф. Ф.* Роль имперфективного презенса в историческом настоящем единичного действия.— Изв. Воронежского гос. пед. ин-та, 1976, т. 172, с. 100.
34. *Гавранек Б.* Вид и время глагола в старославянском языке.— В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
35. *Ван-Вейк Н.* О происхождении видов славянского глагола.— В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
36. *Стрекалова Э. Н.* Употребление форм настоящего времени в польском языке XVI века.— В кн.: Краткие сообщения Ин-та славяноведения, 1961, № 30, с. 79.
37. *Луценко Н. А.* Категория вида в русских причастиях (значение и употребление): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982, с. 8.
38. *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1903, с. 232.
39. *Věličová-Křížková H.* Ke vztahu kategorie vidu i času v spisovných slovanských jazycích.— *Slavia*, 1981, № 2.